

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/PYAFVR>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ СТЕПАНА ТРОФИМОВИЧА ВЕРХОВЕНСКОГО В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

© 2026 г. Н.Н. Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 16 марта 2026 г.

Дата одобрения рецензентами: 24 марта 2026 г.

Дата публикации: 25 сентября 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-374-395>

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов», <https://rscf.ru/project/25-18-00009/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье дается уточненное, расширенное, систематическое и углубленное представление об одном из главных героев романа-хроники Ф.М. Достоевского «Бесы», «ученом человеке» и «профессоре» Степане Трофимовиче Верховенском как профессиональном историке. В качестве времени основного действия произведения обосновывается 1871 г., когда завершилась Франко-прусская война. Детально анализируются сходства и различия между героем Достоевского и выдающимся историком-медиевистом, ординарным профессором Московского университета Тимофеем Николаевичем Грановским (1813–1855). Подробно рассматриваются упоминания о двух основных исторических сочинениях Верховенского-старшего: защищенной в конце 1840-х гг. диссертации о немецком городке Ганау и недописанных «Рассказах из испанской истории». Доказывается, что исключительный исследовательский интерес героя направлен на изучение европейской истории XV в. Объясняется значение выбранной им темы для диссертации. Выдвигается гипотеза о возможном содержании его «знаменитого» труда об испанской истории.

Ключевые слова: книга в книге, Ф.М. Достоевский, «Бесы», Т.Н. Грановский, Ганау, история в литературе, история Испании, Средние века

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@mail.ru

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Исторические сочинения Степана Трофимовича Верховенского в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 3. С. 374–395. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-3-374-395>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 3, 2026

HISTORICAL WORKS BY STEPAN TROFIMOVICH VERKHOVENSKY IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL *DEMONS*

© 2026. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 16, 2026

Approved after reviewing: March 24, 2026

Date of publication: September 25, 2026

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009: "Characters' Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky's Mature Works (1859–1881)" (<https://rscf.ru/project/25-18-00009/>).

Abstract: The article provides a refined, expanded, systematic, and in-depth view of one of the main characters of F.M. Dostoevsky's novel *Demons*, the "learned man" and "professor" Stepan Trofimovich Verkhovensky as a professional historian. The year 1871, when the Franco-Prussian War ended, is justified as the time of the main action of the work. The author analyzes in detail the similarities and differences between Dostoevsky's character and the outstanding medievalist, full professor at Moscow University Timofey Nikolaevich Granovsky (1813–1855). The mentions of two main historical works by Verkhovensky Sr. are considered in detail: the dissertation on the German town of Hanau defended in the late 1840s and the unfinished *Stories from Spanish History*. It is proved that the character's exceptional research interest is aimed at studying the European history of the 15th century. The significance of his chosen topic for his dissertation is explained. A hypothesis is put forward about the possible content of his "famous" work on Spanish history.

Keywords: book within a book, F.M. Dostoevsky, *Demons*, T.N. Granovsky, Hanau, history in literature, history of Spain, Middle Ages

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@mail.ru

For citation: Podosokorsky, N.N. "Historical Works by Stepan Trofimovich Verkhovensky in F.M. Dostoevsky's Novel *Demons*." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 3, 2026, pp. 374–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-3-374-395>

Введение

Степан Трофимович Верховенский не только является одним из главных действующих лиц романа «Бесы» (1871–1872), но и стоит у самых истоков создания легшей в его основу «Хроники», ведь именно его друг и ученик, Антон Лаврентьевич Г—в, вероятно, под воздействием многолетних разговоров со своим «наставником»² (историком, литератором, педагогом и общественным деятелем в одном лице), стал писать эту «Хронику» жизни российского губернского общества, которая и начинается с изложения им «некоторых биографических подробностей о талантливом и многотитом Степане Трофимовиче Верховенском» [19, т. 10, с. 7].

В этой статье мы специально рассмотрим образ Верховенского-старшего как историка (сознавая, что это лишь одна, хотя и весьма существенная сторона его многогранной личности) и его исторические труды, а точнее упоминания о его диссертации по истории немецкого города Ганау первой трети XV в. и о его «Рассказах из испанской истории». Пристальное рассмотрение того, что собой представляют исторические труды героя, должно уточнить и умножить наше знание о Степане Трофимовиче и его роли в ро-

1 Т.А. Касаткина и вовсе прочитывает «Бесы» как прежде всего «роман о Степане Трофимовиче». По ее наблюдению, именно он оказывается «за многое ответственен»: и если этот герой «создает обезбоженное пространство романа, то он же и возвращает в роман Бога, вокруг него и творится романная икона» [2, с. 239–240].

2 Хроникер неоднократно называет Степана Трофимовича «учителем» и «наставником» [19, т. 10, с. 33, 331] и сам старается придерживаться «точного исторического порядка» даже в изложении событий в личных разговорах [19, т. 10, с. 112]. Он так сформулировал собственный исторический метод ведения повествования: «Как хроникер, я ограничиваюсь лишь тем, что представляю события в точном виде, точно так, как они произошли, и не виноват, если они покажутся невероятными» [19, т. 10, с. 55–56].

мане (который как «Хронику» и в целом можно формально отнести к историческому жанру), а также внести вклад в понимание того, как в «Бесах» вообще представлены *история* и *историческое*³ и как в этом «самом литературном романе писателя» [14, с. 179] проявляется прием «книга в книге»⁴.

Верховенский-старший как историк и общественный деятель

Если попытаться реконструировать биографию Степана Трофимовича Верховенского, которому на момент основного действия романа (т. е. в 1870 или в 1871 г.) — 53 года [19, т. 10, с. 19], то получится, что герой родился примерно в 1817/1818 г. Конкретный год, когда происходит основное действие, в романе прямо не указан, поэтому разные исследователи относят его к разному времени, но обычно определяют как 1869 г. [13, с. 69]. Однако если пристально вчитаться в роман, то мы увидим, что это неверная точка зрения. Так, Шигалев вполне определенно называет текущим годом «187...» [19, т. 10, с. 311], что уже однозначно свидетельствует о времени действия **после** 1869 г. Кроме того, в «Хронике» Г—ва назван «покойным» А.И. Герцен (1812–1870) [19, т. 10, с. 276] и рассказывается о том, как Лямшин исполняет на фортепьяно «особенную штучку» под смешным названием «Франко-прусская война», показывая, как она не только начинается, но и «оканчивается», когда «мир заключен» [19, т. 10, с. 252]. Последнее логично считать отсылкой к Франкфуртскому миру, завершившему Франко-прусскую войну 10 мая 1871 г. Из чего следует, что главным временем действия в романе все же является 1871 г. Поскольку «Бесы» впервые публиковались в «Русском вестнике» в 1871–1872 гг., то мы видим, что Достоевский (как почти всегда) размещает действие романа в самой непосредственной современности (что оправдывает и определение его как хроники).

«Хотя происхождения» Степан Трофимович «был, кажется, невысокого, но случилось так, что воспитан был с самого малолетства в одном знатном доме в Москве и, стало быть, прилично; по-французски говорил, как парижанин» [19, т. 10, с. 16]. Степан Трофимович с годами приобрел «репутацию поэта, ученого, гражданского деятеля» [19, т. 10, с. 16] и славу вольнодумного западника, «либерала-идеалиста» 1840-х гг. В конце нико-

3 Подробнее о нашей концепции исторического в творчестве Достоевского см.: [10].

4 Разработанную теорию изучения этого приема в произведениях Достоевского см.: [4].

лаевского царствования «одно время, — впрочем, всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [19, т. 10, с. 8]. Упоминание этих имен в «Хронике» в сравнении с героем прежде всего указывает на то, что, несмотря на некоторое сходство между ними (очень мимолетное и обнаруживаемое лишь при самом внешнем взгляде), вся последующая двадцатилетняя жизнь Степана Трофимовича развивалась совершенно иначе.

При этом, несомненно, из всех перечисленных деятелей наиболее близок герой по своему роду занятий к выдающемуся историку, ординарному профессору Московского университета Тимофею Николаевичу Грановскому (1813–1855), который также специализировался на изучении эпохи Средних веков. Именно «на обеде в честь Грановского» в Москве, примерно в 1847 г. (т. е. за 24 года до основных событий), Верховенский-старший виделся и с «нувеллистом» Кармазиновым, о чем тот ему напомнил [19, т. 10, с. 348].

По всей видимости, именно Грановский своим дарованием, обаянием и необычайным успехом на ниве преподавания вдохновил в 1840-е гг. Верховенского-старшего на защиту диссертации о «гражданском и ганзеатическом значении» города Ганау и вообще на попытку (оказавшуюся неудачной) сделать преподавательскую карьеру в столичном университете, о чем Хроникер говорит так: «...его соблазняла гремевшая в то время слава одного незабвенного профессора, и он, в свою очередь, полетел на кафедру, к которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиные крылья» [19, т. 10, с. 11].

В подготовительных материалах к роману «Бесы» писатель и вовсе называет своего ученого героя непосредственно «Тимофеем Грановским», наделяя его следующими чертами:

Портрет чистого и идеального западника со всеми красотами. <...>
Характерные черты. Всежизненная беспредметность и нетвердость во взгляде и в чувствах, составлявшая прежде страдание, но теперь *обратившаяся во вторую природу*⁵. <...>

5 В приводимых цитатах выделение курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным шрифтом — автору настоящей статьи.

Он — прежнее славное имя (две-три статьи, одно исследование, путешествие по Испании. Рукописная заметка о Крымской войне, ходившая по рукам и доставившая ему гонение). Становит себя бессознательно на пьедестал, вроде мощей, к которым приезжают поклоняться, любит это. Говорит часто без местоимений.

Действительно честен, чист и считает себя глубиной премудрости.

Неустойчивость в мнениях.

Большой поэт, не без фразы.

Просмотрел совсем русскую жизнь.

Чурается нигилизма и не понимает его [19, т. II, с. 65].

Однако в окончательном тексте произведения фигуры Степана Трофимовича и Грановского отнюдь не тождественны, хотя и взаимосвязаны, на что обратил внимание уже критик Е. Марков, заметивший: «Конечно, этот профессор не Тимофей Николаевич, а Степан Трофимович, не Грановский, а Верховенский; он пишет о Ганау, а не о “Волине, Иомсбурге и Винете”, не о Баярде и аббате Сугерие, а о каких-то неопределенных рыцарях; читает лекции об аравитянах, а не о “судьбах еврейского народа” и об “испанском эпосе”» [9, с. 174]. Вместе с тем Марков, как и многие читатели «Бесов» после него, усмотрел в образе Верховенского-старшего лишь «тенденциозную сатиру» на тот тип либерала 1830–1840-х гг., к которому принадлежал Грановский [9, с. 174], хотя персонаж Достоевского по своему значению отнюдь не сводим к пародии или сатире, и, являя ряд черт русского дореформенного либерализма⁶, остается при этом оригинальной личностью, способной к реальному внутреннему преображению. По выравшемуся однажды у Степана Трофимовича признанию, «воскреснуть»

6 В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» 1876 г. Достоевский еще раз признался в любви и уважении к своему герою и отметил, что и наиболее близкий ему по духу Грановский был вовсе не так комичен, как может показаться, если рассматривать его не как живое лицо, но лишь как социальный тип: «Грановский был самый чистейший из тогдашних людей: это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе “Бесы” и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу» [19, т. 23, с. 64].

для него долгое время означало «приняться за науку» [19, т. 10, с. 24], систематическое занятие которой он давно забросил. Однако попытка такого «воскресения», т. е. возвращения к научным занятиям при его посещении Берлина, где он «работал по двенадцати часов в сутки», «рылся в библиотеках, сверяясь, выписывая, бегая» и посещал «профессоров» [19, т. 10, с. 25], ожидаемого счастья и успокоения ему так и не принесла. Пребывание в Берлине является важным фактом и биографии Грановского, который занимался наукой в столице Пруссии во второй половине 1830-х гг., т. е. до того, как занял место в Московском университете (про Степана Трофимовича, впрочем, тоже сообщается, что он приступил к чтению лекций после того, как «воротился из-за границы» [19, т. 10, с. 8]).

Степан Трофимович не сделал такой блестящей карьеры, как восхитивший его Грановский, ставший деканом историко-филологического факультета и одним из самых популярных лекторов Московского университета⁷, но все же «блеснул в виде лектора на кафедре университета уже в самом конце сороковых годов. Успел же прочесть всего только несколько лекций, и, кажется, об аравитянах <...>» [19, т. 10, с. 8]. После потери кафедры он также «успел напечатать (так сказать, в виде отместки и чтоб указать, кого они потеряли) в ежемесячном и прогрессивном журнале, переводившем из Диккенса и проповедовавшем Жорж Занда, начало одного глубочайшего исследования — кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху или что-то в этом роде» [19, т. 10, с. 9]. По слухам, передаваемым Хроникером, «продолжение исследования было поспешно запрещено» и «даже прогрессивный журнал пострадал за напечатанную первую половину» [19, т. 10, с. 9].

Крах университетской карьеры героя, запрет его публикаций и установление над ним тайного полицейского надзора происходят практически одновременно — в самом конце 1840-х гг., и тогда же в Петербурге было отыскано «какое-то громадное, противоестественное и противогосудар-

7 Как пишет о Грановском-лекторе А.А. Левандовский: «Для студенческой молодежи историк очень скоро стал кумиром, оракулом, которому она внимала, затаив дыхание. Его лекции собирали слушателей со всех отделений; опоздавшим приходилось сидеть на ступеньках кафедры. Подобной, поистине ошеломляющей и к тому же устойчивой популярностью никогда не пользовался ни один университетский лектор — в России, во всяком случае» [6, с. 57]. Отдельные лекции Т.Н. Грановского публиковались в журнале братьев Достоевских «Время» (1862, № 4 и 6).

ственное общество, человек в тринадцать, и чуть не потрясшее здание. Говорили, что будто бы они собирались переводить самого Фурье» [19, т. 10, с. 9]. Общепринятой точкой зрения считается, что это намек на дело петрашевцев 1849 г., по которому был арестован и молодой Ф.М. Достоевский (вообще при чтении романа «Бесы» порой трудно отделаться от мысли, что отнюдь не менее значимым, чем Грановский, прототипом Степана Трофимовича является сам автор «Бесов», наделяющий героя некоторыми идеалистическими чертами, свойственными и ему самому; причем на момент создания романа Достоевский также находится под тайным надзором).

Несмотря на разнообразные чисто литературные занятия Верховенского-старшего (он, в числе прочего, является автором удивительной мистико-аллегорической поэмы, «напоминающей вторую часть “Фауста”» [19, т. 10, с. 9], и к тому же расценивается как «самый читающий» герой романа «Бесы» [14, с. 189]), в период его двадцатилетней жизни в провинции (в имении Скворешники у генеральши Ставрогиной) «многие смотрели на него только как на “ученого”» [19, т. 10, с. 26]. Если Кармазинова именуют в романе преимущественно «писателем» или «великим писателем» [19, т. 10, с. 50, 69, 170 и проч.], то Верховенского-старшего упорно называют «ученым человеком» [19, т. 10, с. 89] и «профессором» [19, т. 10, с. 54, 102, 283, 344], хотя на самом деле, как сообщает губернатору Лембке чиновник Блюм, «он был лишь доцентом, всего лишь доцентом, и по чину всего только коллежский асессор при отставке, <...> знаков отличия не имеет, уволен из службы по подозрению в замыслах против правительства» [19, т. 10, с. 283]. Главным виновником такой подмены реального статуса, вероятно, был сам Степан Трофимович, периодически любивший прихвастнуть и преувеличить свое значение (например при встрече во время своего «последнего странствования» с мужиком и бабой, проезжающими мимо него на телеге, он говорит о себе так: «Со мной паспорт и я — профессор, то есть, если хотите, учитель... но главный» [19, т. 10, с. 483]).

8 Хроникер сообщает, что Степан Трофимович постоянно интересовался «успехами русской литературы» и постоянно читал «газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множестве» [19, т. 10, с. 19]. Дома у него хранилось большое собрание книг и прессы (в том числе запрещенных цензурой), так что «читать газеты и книги» у него брал [19, т. 10, с. 28] «большой либерал» Липутин. О Степане Трофимовиче как читателе романа В. Гюго «Человек, который смеется» и о месте и роли этой книги в «Бесах» вообще см. новейшее исследование Т.Г. Магарил-Ильяевой: [7].

Впрочем, покровительствующая «профессору» Варвара Петровна призывает Дарью Шатову также «помнить», что он — «поэт»⁹ [19, т. 10, с. 57], а в порыве сильного раздражения бросает ему в лицо: «Признаюсь, я всегда вас считала только за критика; вы литературный критик, и ничего более» [19, т. 10, с. 263]. При этом в спокойном состоянии она же разъясняет губернаторше Юлии Михайловне, что на самом деле «Степан Трофимович вовсе никогда не был критиком», а «знаменит же обстоятельствами первоначальной своей карьеры, “слишком известными всему свету”, а в самое последнее время — своими трудами по испанской истории; хочет тоже писать о положении теперешних немецких университетов и, кажется, еще что-то о дрезденской Мадонне» [19, т. 10, с. 235].

В период жизни в Скворешниках, где «всегда возможно было, в тиши кабинета и уже не отвлекаясь огромностью университетских занятий, посвятить себя делу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими исследованиями» [19, т. 10, с. 11], Степан Трофимович, помимо прочего, давал уроки истории и литературы маленькой Лизе Тушиной, о чем она вспоминает в таких выражениях: «А помните ваши рассказы о том, как Колумб открывал Америку и как все закричали: “Земля, земля!” Няня Алена Фроловна говорит, что я после того ночью бредила и во сне кричала: “Земля, земля!” А помните, как вы мне историю принца Гамлета рассказывали? А помните, как вы мне описывали, как из Европы в Америку бедных эмигрантов перевозят? И все-то неправда, я потом все узнала, как перевозят, но как он мне хорошо лгал тогда, Маврикий Николаевич, почти лучше правды!» [19, т. 10, с. 87]. Вполне вероятно, что именно Степан Трофимович пробудил у Лизы интерес к истории, из чего впоследствии выросла ее идея создать книгу в виде календарной хроники, дающей «картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за целый год» [19, т. 10, с. 104].

Кроме того, «ученый человек» Степан Трофимович имеет ряд некоторых общих черт с другим героем Достоевского — «человеком науки» и «тоже в своем роде каким-то поэтом» Фомой Фомичем Опискиным из повести

9 Историк Т.Н. Грановский также был не чужд поэзии, и первой его публикацией называют стихотворение «Страдалец» (1828) [15]. Кроме того, он переводил стихами произведения поэтов Озерной школы [21, с. 32].

«Село Степанчиково и его обитатели» (1859)¹⁰, сочинявшим как поэмы, так и исторические романы (об этой стороне деятельности героя см.: [11]). Оба они приживальщики («простым приживальщиком» называет себя сам Верховенский-старший [19, т. 10, с. 26]), оба имеют склонность к витиеватым поучениям и любят прилгнуть, оба украдкой читают Поль де Кока, оба любят рассуждать о характере русского мужика, хотя мало знакомы с непосредственной жизнью простонародья, и т. п. В отличие от Фомы Фомича, Степан Трофимович все же не злой шут и не домашний тиран, образован он куда более основательно, но его болезненное сосредоточение на собственных душевных переживаниях и эмоциях, заставляющее его постоянно колебаться от неумеренного самовозвеличения до крайнего самобичевания, роднит его с Опискиным. Весьма характерен сбивчивый и туманный рассказ героя книгоноше Софье Матвеевне об истории своей жизни, которая «перешла чуть не в целую диссертацию о том, как никто и никогда не мог понять Степана Трофимовича и как “гибнут у нас в России таланты”» [19, т. 10, с. 494].

К общему портрету Верховенского-старшего как историка, «человека умнейшего и даровитейшего», который, впрочем, в науке «сделал не так много и, кажется, совсем ничего» [19, т. 10, с. 8], можно добавить его общую идейную ориентацию на современную европейскую (главным образом — немецкую и французскую, но в целом, скорее, космополитичную) либеральную интеллектуальную среду и подчеркнуто презрительное отношение к русской истории, культуре и национальности («Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда» [19, т. 10, с. 33]¹¹). Свое призвание герой видит не столько в занятиях чистой наукой и, тем более литературой, сколько в гражданском просветительстве умов через историю и искусство. Как отмечает Антон Лаврентьевич, Степану Трофимовичу «необходимо было сознание о том, что он исполняет высший долг пропаганды идей» [19, т. 10, с. 30].

10 Ранее на это же обратила внимание Н.А. Макурина в статье «Трансформация пародийных образов в творчестве Ф.М. Достоевского: Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского» [8].

11 Ср. с возражением Шапошникова (будущего Шатова) цитирующему Чацкого Грановскому (будущему Степану Трофимовичу) в подготовительных материалах: «Об народе русском, об его вере, истории, обычае, значении и громадном его количестве — он думал только как об оброчной статье. Точно так думали и Декабристы, и поэты, и профессора, и Либералы, и все реформаторы до царя-освободителя» [19, т. 11, с. 87].

Диссертация о немецком городке Ганау

Первое чисто научное историческое сочинение Степана Трофимовича, которое упоминается в романе «Бесы», — это его успешно защищенная «блестящая диссертация о возникавшем было гражданском и ганзеатическом значении немецкого городка Ганау, в эпоху между 1413 и 1428 гг., а вместе с тем и о тех особенных и неясных причинах, почему значение это вовсе не состоялось» [19, т. 10, с. 8]. Диссертация Верховенского-старшего была, вероятнее всего, защищена им в то же время, когда он «блеснул в виде лектора на кафедре университета уже в самом конце сороковых годов» [19, т. 10, с. 8]. Происходила защита в период острого идеологического размежевания среди российского преподавательского сообщества, и, как отмечает Хроникер, диссертация Степана Трофимовича «ловко и больно уколола тогдашних славянофилов и разом доставила ему между ними многочисленных и разъяренных врагов» [19, т. 10, с. 8–9].

Традиционно исследователи видели в упоминании диссертации героя аллюзию на магистерскую диссертацию Грановского [19, т. 12, с. 277], защищенную им в 1845 г. и посвященную часто смешиваемым в древности славянскому городу Волину (или Юмне) и норманнскому поселению Иомсбургу, а также совсем баснословной Винете («северной Венеции»), «поглощенной морем за гордость, рожденную в ней безмерным богатством» [17, с. 146]. Однако Грановский касался в своей работе гораздо более раннего исторического периода (в основном VIII–XII вв.) и другого региона (Волин находится на северо-западе современной Польши, а Ганау — в Центральной Германии). Обнаруживает себя и разница в подходе к предмету их исследования. Грановский пытался согласовать и верифицировать противоречивые свидетельства разнообразных источников, разобраться в сложной этимологии множества названий, даваемых в разные времена и разными авторами одним и тем же городам, и вообще стремился доступными ему средствами науки «рассеять поэтический полумрак, в котором скрывался этот эпизод северной истории» [17, с. 146]. Верховенский-старший же, если исходить из того, что мы вообще о нем знаем (в частности, Лиза отмечает его умение рассказывать об истории «почти лучше правды»), скорее склонен «поэтизировать» строгие и сухие исторические сведения (вовсе не случайно он пишет не о реальном «ганзеатическом» значении Ганау, который в действительности в Ганзейский

союз никогда не входил, но о том, «почему значение это вовсе не состоялось»).

Объединяющим моментом в защитах диссертаций Грановского и Верховенского-старшего, очевидно, было не содержание самих научных трудов и не методология ученых, но исключительно вызванная ими общественная реакция. А.И. Герцен, друживший с Грановским, отмечает в своем дневнике 1845 г.: «Третьего дни Грановский защищал свою диссертацию о Иомсбурге и Винете. Это было публичным и торжественным поражением славянофилов и публичной овацией Грановского. Нападки были деланы с невероятной дерзостью, с цинизмом, грубым до отвратительности; Грановский отвечал тихо, спокойно, кротко, вежливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены им. Но толстая шкура их не поняла бы этого» [16, т. 2, с. 406].

Вместе с тем считать, что упоминание диссертации героя «Бесов» является лишь еще одной чисто формальной отсылкой к биографии Грановского, на наш взгляд, ошибочно. Во-первых, как мы уже показали ранее, Степан Трофимович в окончательном тексте романа вовсе не является «повторением» Грановского или же простой пародией на него. А во-вторых, согласно разрабатываемому нами методу историко-культурного чтения художественных текстов Достоевского, мы должны в первую очередь **изучать те исторические реалии, которые автор зачем-то ввел в свое произведение, подразумевая при этом за ними некий скрытый дополнительный смысл, проясняющий и общий сюжет**, и не пытаться сразу же, без надлежащего исследования, подменить их отсылками к «похожим» реалиям из всемирной истории, мировой культуры и действительной жизни других деятелей. Даже если на каком-то этапе изучения мы не понимаем смысла присутствующей в тексте Достоевского реалии и могущей нам показаться *странной* конкретной формулировкой неких исторических сведений, сообщаемых героем или о герое (а без специального глубинного исследования, с погружением в соответствующую литературу о предмете, это зачастую бывает и невозможно сходу понять), необходимо осознать это именно как научную проблему, требующую разяснения в дальнейшем.

Иначе говоря, если мы хотим понять характер и судьбу героя, то нельзя насильственно замещать события его личной истории событиями жизни его, также уникальных, «прототипов», которых могло быть несколько и

между которыми и литературным персонажем всегда пролегает значимая дистанция, не предполагающая полного и безусловного отождествления. Как отмечает на этот счет Т.А. Касаткина, «каждый из прототипов, полагают исследователи, важен для понимания образа, создаваемого Достоевским. Представляется, однако, что дело обстоит прямо противоположным образом. *Это образ, созданный Достоевским, важен для понимания всех найденных и еще не найденных “прототипов” его героев.* Этот образ объясняет их и доводит до логического конца потенции, зачастую не проявившиеся в жизни. Достоевский не создает карикатур на каких-то конкретных людей, в чем его неоднократно обвиняли (и именно по поводу романа “Бесы”); он просто дает типу (при этом вполне возможно, что он разглядел его именно в одном из предполагаемых прототипов) полное развитие в создаваемом им образе, показывает все проявления такого типа, далеко не всегда обнаруживающиеся в эмпирической действительности» [3, с. 52–53].

Так что же означает упоминание немецкого городка Ганау в «Бесах» в связи с фигурой Верховенского-старшего? Прежде всего заметим, что позднее Средневековье (а точнее — XV в.¹²), видимо, особенно интересует героя как в научном, так и в литературном отношении. Недаром единственной «хроникой», которую он сам упоминает (и это вообще единственное упоминание в романе слова «хроника», помимо основной «Хроники», которую пишет Антон Лаврентьевич Г—в), является «бессмертная хроника» [19, т. 10, с. 36] Шекспира «Генрих IV» (о ее роли в романе см.: [5]), во второй части которой умирает старый король Генрих IV и новым королем Англии становится его сын Генрих V (тот самый «принц Гарри», к образу которого столь часто обращаются герои «Бесов») — в реальности эта смена власти произошла в 1413 г., с которого, по возможно неслучайному совпадению, и начинается для Степана Трофимовича исследуемая им история немецкого городка Ганау.

В русских словарях тех лет сообщается, что «Ганау был некогда независимым графством, которое в 1429 г. возведено императором Сигизмундом

12 Условным водоразделом между эпохами Средних веков и Нового времени в то время зачастую считалось открытие Америки Колумбом, о котором так ярко рассказывал Степан Трофимович Лизе Тушиной, когда обучал ее истории. К примеру, Т.Н. Грановский, на которого Верховенский-старший преимущественно ориентировался как на историка, в своих лекциях отмечает: «У средних веков была своя география, свое государство, своя церковь и наука. И вот в исходе XV столетия является Христофор Колумб и разбивает рубежи, поставленные миру в средних веках. Новому человечеству тесно в прежних пределах» [18, с. 9].

на степень имперского графства» [22, т. 13, с. 254], однако на самом деле король Германии Сигизмунд в 1429 г. возвел сеньора (Herr) Ганау Рейнхарда II (1369–1451) в имперские графы (Reichsgraf), что по сути означало заметное усиление его единоличной власти над подданными, некоторое сокращение политических прав горожан и подавление зачатков городского самоуправления. Таким образом, историк-западник Степан Трофимович посвящает свою «блестящую» диссертацию последним годам существования Ганау как столицы Herrschaft Hanau (перед тем как последнее было преобразовано в Grafschaft Hanau), наподобие того, как иные русские либералы первой половины XIX в. обращались к истории и опыту Новгорода (и образу Марфы Посадницы) до его окончательного присоединения к Москве в 1470-х гг. [11, с. 89–90], хотя к тому времени реальной полноценной независимостью он уже не обладал.

Однако в обращении Верховенского-старшего к средневековой истории Ганау можно увидеть и современный созданию диссертации политический подтекст, поскольку ее защита происходила на фоне революций 1848–1849 гг., охвативших многие страны материковой Европы, включая курфюршество Гессен-Кассель, в которое входил на тот момент Ганау, причем жители Ганау проявили себя как своего рода авангард и один из центров революционного движения в Германии в марте 1848 г. [12, т. 1, с. 251]. О бесчинствах «мятежников из Ганау» с негодованием сообщала даже петербургская официальная пресса того времени [20, с. 843]. Таким образом, научное исследование по истории средневекового Ганау приобретало остроактуальное публицистическое звучание, и в случае Степана Трофимовича вряд ли можно предположить, что такая двусмысленность никак не входила в намерение автора¹³.

Кроме того, упоминание Ганау, хорошо известного многим российским литераторам XIX в. как популярное место отдыха и лечения (в раз-

13 Т.Н. Грановский, как цитирует его А. Станкевич (книга Станкевича о Грановском 1869 г. имела в личной библиотеке Достоевского, и известно, что писатель ее читал при работе над «Бесами» [1, с. 144]), вообще видит в нахождении различных аналогий между разными эпохами признак профессионализма историка: «А между тем весьма немногие события отмечены характером совершенно новых, небывалых явлений; для большей части существуют поучительные исторические аналогии. В способности схватывать эти аналогии, не останавливаясь на одном формальном сходстве, в умение узнавать под изменчивой оболочкой текущих происшествий сглаженные черты прошедшего заключается, по нашему мнению, высший признак живого исторического чувства, которое, в свою очередь, есть высший плод науки» [21, с. 162].

ное время здесь побывали В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Н.М. Языков, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский и др.), в романе «Бесы» неизбежно приобретает еще один смысл — за несколько лет до основных событий, описанных в «Хронике» Г—ва, а именно в 1866 г., курфюршество Гессен-Кассель, уцелевшее в ходе революционной бури 1848 г., полностью лишилось независимости в ходе аннексии со стороны Пруссии. Проблема насильственного присоединения различных земель к стремительно усилившемуся при Бисмарке королевству Пруссия (в 1871 г. оно уже образовало Германскую империю) вообще заметно интересовала Достоевского, в частности, неоднократно затрагивавшего в своих сочинениях судьбу Шлезвига и Гольштейна, аннексированных почти одновременно с Гессеном-Касселем¹⁴. Таким образом, Степан Трофимович в молодости пишет об утрате «гражданского значения» Ганау в XV в., а под конец жизни становится наблюдателем уже новой утраты значения небольшого государства, в котором Ганау занимал положение одного из главных городов.

«Рассказы из испанской истории»

Другим историческим трудом Степана Трофимовича, упомянутым в «Бесах», являются его «Рассказы из испанской истории», которые, в отличие от диссертации о Ганау конца 1840-х гг., относятся, судя по всему, к незавершенным произведениям позднего периода жизни героя. Во всяком случае Верховенский-старший впервые говорит о планируемой работе над ними, когда получает предложение от Варвары Петровны об устройении его третьего брака с Дарьей Шатовой. По мнению генеральши Ставрогиной, этим сочинением ее друг сможет наконец «напомнить» о себе публике:

Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни, разовьете ее сердце, направите мысли. Нынче сколько погибают оттого, что дурно направлены мысли! **К тому времени поспеет ваше сочинение, и вы разом о себе напомните.**

¹⁴ В записной тетради Достоевского 1864–1865 гг. читаем, к примеру, запись: «Уж если Австрия поступает под покровительство Пруссии, то это даром не кончится. Со временем, пожалуй, она вся войдет в состав прусской территории, как и Шлезвиг-Гольштейн» [19, т. 20, с. 190].

— Я именно, — пробормотал он, уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны, — **я именно собираюсь теперь присесть за мои «Рассказы из испанской истории»...**

— Ну, вот видите, как раз и сошлось [19, т. 10, с. 61].

Обозначение жанра сочинения Степана Трофимовича именно как «рассказов из истории» не должно полностью смещать акцент с истории на беллетристику, поскольку в XIX в. так часто назывались самые разные исторические сочинения от «Рассказов из шведской истории (по Фрюкселю)» (1844) Я.К. Грота и «Рассказов римской истории пятого века» (1861) А. Тьерри до «Рассказов из истории русской церкви» (1865–1870) М.В. Толстого и «Рассказов из истории старообрядства» (1861) С.В. Максимова и проч. Но, несомненно, такой труд должен был иметь ярко выраженную просветительскую направленность и адресован не столько узким специалистам, сколько самому широкому читателю.

Возможно, замысел исторической работы об испанской истории сложился у Верховенского-старшего задолго до начала 1870-х гг., поскольку в период своего пребывания в Берлине он, в числе прочего, упоминает и об обращении к неким «испанским мотивам»: «По вечерам с молодежью беседуем до рассвета, и у нас чуть не афинские вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное: много музыки, **испанские мотивы**, мечты всечеловеческого обновления, идея вечной красоты, Сикстинская Мадонна, свет с прорезами тьмы, но и в солнце пятна!» [19, т. 10, с. 25]. Но эта фраза слишком неопределенная, чтобы связать эти «мотивы» с чем-то конкретным.

В разговоре с губернаторшей Юлией Михайловной Варвара Петровна, очевидно более всех осведомленная о реальных занятиях своего друга, прямо указывает на его «Рассказы...» как на главный его научный труд последнего времени. По ее словам, «в самое последнее время» он знаменит именно «своими трудами по испанской истории» [19, т. 10, с. 235]. С одной стороны, здесь можно усмотреть определенную иронию, ибо «знаменитыми» названы «труды», которые и не завершены, и не опубликованы. С другой же стороны, нельзя исключать, что какие-то фрагменты этих «трудов» все же были ранее обнародованы (хотя бы в составе того самого скандального «исследования» — «о причинах необычайного нравственного благородства каких-то

рыщарей в какую-то эпоху») и, в любом случае, о многолетней работе над этими трудами могло быть известно из устных рассказов словоохотливого Степана Трофимовича или же из его многочисленных писем разным адресатам. Косвенным доводом в пользу того, что над этим своим «знаменитым» сочинением герой бесплодно «работал» в Скворешниках на протяжении длительного времени, могут быть следующие слова Хроникера:

В первые годы, или, точнее, в первую половину пребывания у Варвары Петровны, Степан Трофимович все еще **помышлял о каком-то сочинении и каждый день серьезно собирался его писать**. Но во вторую половину он, должно быть, и зады позабыл. Все чаще и чаще он говаривал нам: «Кажется, готов к труду, материалы собраны, и вот не работается! Ничего не делается!» — и опускал голову в унынии. Без сомнения, **это-то и должно было придать ему еще больше величия в наших глазах, как страдальцу науки**; но самому ему хотелось чего-то другого. «Забыли меня, никому я не нужен!» — вырывалось у него не раз. Эта усиленная хандра особенно овладела им в самом конце пятидесятих годов [19, т. 10, с. 20].

Перед литературным чтением на задуманном губернаторшей празднике в помощь гувернанткам губернии о трудах «профессора» в издевательской манере говорит Петруша Верховенский, пытающийся унижить и раздосадовать отца: «...у вас у всех, у старичья, адская амбиция. Но послушай, однако, надо, чтобы не так скучно. У тебя там что, испанская история, что ли? Ты мне дня за три дай просмотреть, а то ведь усыпишь, пожалуй» [19, т. 10, с. 238].

Наконец, последним фрагментом, в котором упоминается труд героя об испанской истории (так и не представленный в итоге на литературном чтении, где Степан Трофимович решил говорить о всемирном и непреходящем значении «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, и здесь опять замечен автобиографический след, выражающий особую любовь к этой картине самого Достоевского), является следующий:

— Так вы не из истории? — горестно изумилась Варвара Петровна. — Но вас слушать не будут. Далась же вам эта Мадонна! Ну что за охота, если вы всех усыпите? Будьте уверены, Степан Трофимович, что я единственно в вашем интересе говорю. То ли дело, если бы вы взяли какую-нибудь коротень-

кую, но занимательную средневековую придворную историйку, из испанской истории, или, лучше сказать, один анекдот, и наполнили бы его еще анекдотами и острыми словечками от себя. Там были пышные дворы, там были такие дамы, отравления. Кармазинов говорит, что странно будет, если уж и из испанской истории не прочесть чего-нибудь занимательного.

— Кармазинов, этот исписавшийся глупец, ищет для меня темы!

— Кармазинов, этот почти государственный ум! Вы слишком дерзки на язык, Степан Трофимович [19, т. 10, с. 265].

Из этого фрагмента видно, что о занятиях Степана Трофимовича испанской историей более-менее осведомлен даже Кармазинов, причем «великий писатель» ожидает от рассказа о ней «чего-нибудь занимательного». Однако о самом общем *содержании* недописанного сочинения Верховенского-старшего можно судить лишь на основании *ожиданий* Варвары Петровны от выступления своего друга. Если исходить из допущения, что она все же знала нечто большее о его замысле, вынашиваемом годами, и говорит в данном случае не просто о своем личном произвольном интересе, то «Рассказы из испанской истории» следует также отнести к трудам о средневековой истории, на которой собственно и специализируется герой. Учитывая же особую сосредоточенность Степана Трофимовича на европейской истории XV в., а также упоминание в тексте его красочного рассказа о Колумбе¹⁵, можно предположить, что данное сочинение было посвящено (или затрагивало ее в каких-то частях) рубежной для испанской истории эпохе правления католических королей-супругов Изабеллы I Кастильской (1451–1504) и Фердинанда II Арагонского (1452–1516).

Трудно сказать наверняка — была ли доступна Достоевскому, к примеру, специальная работа “The History of the Reign of Ferdinand and Isabella the Catholic” (1837) выдающегося американского историка-испаниста Уильяма Хиклинга Прескотта (1796–1859), другие сочинения которого по испанской истории Достоевский неоднократно упоминал, высоко ценил и даже имел в своей домашней библиотеке [1, с. 142], поскольку этот труд в то

15 С Колумбом «без Америки», в случае, если от него откажется Ставрогин, несколько раз сравнивает себя и сын Степана Трофимовича, Петр Степанович [19, т. 10, с. 324, 326]. Ставрогин представляет для него новую идею и новое расширение границ собственной личности — т. е. тот же выход человека за свои прежние пределы, о которых в связи с открытием Колумба говорил Грановский.

время был доступен преимущественно на английском языке, однако писатель прекрасно знал историю «католических королей» (*Los Reyes Católicos*) и из многих других сочинений. Тем не менее обнаружение сколь-нибудь убедительных соответствий между слишком общими и неопределенными словами Варвары Петровны о «пышных дворах», «таких дамах», «отравлениях» и конкретными эпизодами из средневековой испанской истории предполагает проведение отдельного большого исследования с глубоким погружением в специальную литературу, которое нельзя уместить в рамках нашей нынешней статьи, имеющей ограничения по объему.

Однако достоверно известно, что сам Степан Трофимович так и не рассказал участникам губернского праздника ни о чем из того, что от него все ожидали услышать: его «Рассказы из испанской истории» остались в памяти его знакомых лишь как символ его не до конца реализованного потенциала как историка.

Заключение

Наше исследование расширяет, исправляет, систематизирует и углубляет сложившееся в достоевистике представление о Степане Трофимовиче Верховенском как об ученом-историке и о роли истории в романе-хронике «Бесы». Мы подробно рассмотрели как сходства, так и принципиальную разницу между героем и одним из его реальных прототипов (профессором Московского университета Т.Н. Грановским); уточнили и обосновали дату основного времени действия в «Бесах»; объяснили значение для биографии Верховенского-старшего его диссертации о Ганау и сочинения об испанской истории; поставили задачу для дальнейшего изучения данной темы.

Список литературы

Исследования

- 1 Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
- 2 Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
- 3 Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

- 4 Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н. Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7>
- 5 Корбелла К. «С чрезвычайным вниманием прочла бессмертную хронику»: Шекспир в «Бесах» Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 58–78. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-58-78>
- 6 Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.
- 7 Магарил-Ильяева Т.Г. Роман В. Гюго «L'homme qui rit» в «Бесах» Ф.М. Достоевского. Статья 1 // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 58–75. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-58-75>
- 8 Макурина Н.А. Трансформация пародийных образов в творчестве Ф.М. Достоевского: Фома Опискин как пародийная заготовка образа Степана Трофимовича Верховенского // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25, № 5. С. 124–129.
- 9 Марков Е. Критические беседы. Романист-психиатр. (По поводу сочинений Достоевского) // Русская речь. 1879. № 6. С. 151–206.
- 10 Подосокорский Н.Н. История в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125>
- 11 Подосокорский Н.Н. Фома Опискин как исторический романист, и его исторический роман о Новгороде в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 3 (31). С. 76–129. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129>
- 12 Революции 1848–1849: в 2 т. / под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- 13 Сараскина Л.И. Время в «Бесах» Ф.М. Достоевского // Контекст — 1988. Литературно-теоретические исследования / отв. ред. Н.К. Гей. М.: Наука, 1989. С. 64–102.
- 14 Сараскина Л.И. Герои-читатели в романе «Бесы». Грустное торжество «Апокалипсиса» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 172–201. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201>
- 15 Филиппова О.Н. Т.Н. Грановский — историк и поэт (1813–1855 гг.) // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: мат. XXXIII международной научно-практической конф.: в 2 ч. Москва, 15–16 марта 2017 года. М.: Научно-информационный издат. центр «Институт стратегических исследований», 2017. Ч. 2. С. 182–187.

Источники

- 16 Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966.
- 17 Грановский Т.Н. Волин, Иомсбург и Винета. Историческое исследование // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовѣрных и единоплеменных / изд. Д. Валуев. М.: Тип. Августа Семена, 1845. Т. I. С. 145–184.
- 18 Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья / отв. ред.: Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1987. 428 с.
- 19 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 20 Петроградские ведомости. 1848. № 210. 19 сентября. С. 841–844.
- 21 Станкевич А. Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк). М.: Тип. Грачева и К°, 1869. X, 306 с.
- 22 Энциклопедический лексикон, посвященный Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835–1841. Т. I–17.

References

- 1 Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F.M. Dostoevsky's Library: An Attempt at Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
- 2 Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vysshem smysle"* [On the Creative Nature of the Word. The Ontological Status of the Word in F.M. Dostoevsky's Works as the Basis of 'Realism in the Highest Sense']. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
- 3 Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Everyday: The Two-Part Image in the Works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
- 4 Kasatkina, T.A., Korbella, K., Magaril-Iliaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [Books within a Book. The Role and Image of the Book in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"], ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p.
<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7> (In Russ.)
- 5 Korbella, K. "S chrezvychainym vnimaniem prochla bessmertnuiu khroniku": Shekspir v 'Besakh' F.M. Dostoevskogo" ["She Read the Immortal Chronicle with Extraordinary Attention": Shakespeare in F.M. Dostoevsky's *Demons*]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 58–78.
<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-58-78> (In Russ.)
- 6 Levandovskii, A.A. *Vremia Granovskogo: U istokov formirovaniia russkoi intelligentsii* [Granovsky's Time: At the Origins of the Formation of the Russian Intelligentsia]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1990. 304 p. (In Russ.)

- 7 Magaril-Iliaeva, T.G. "Roman V. Giugo 'L'homme qui rit' v 'Besakh' F.M. Dostoevskogo. Stat'ia 1" ["Victor Hugo's Novel *L'homme qui rit* in F.M. Dostoevsky's *Demons*. Article 1"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 58–75. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-58-75> (In Russ.)
- 8 Makurina, N.A. "Transformatsiia parodiinykh obrazov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: Foma Opiskin kak parodiinaia zagotovka obraza Stepana Trofimovicha Verkhovenskogo" ["Transformation of Parody Images in F.M. Dostoevsky's Works: Foma Opiskin as a Parody Blueprint for the Image of Stepan Trofimovich Verkhovensky"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia: Istoriia i filologiia*, vol. 25, no. 5, 2015, pp. 124–129. (In Russ.)
- 9 Markov, E. "Kriticheskie besedy. Romanist-psikhiatr. (Po povodu sochinenii Dostoevskogo)" ["Critical Conversations. Novelist-Psychiatrist. (Regarding Dostoevsky's Works)"]. *Russkaia rech'*, no. 6, 1879, pp. 151–206. (In Russ.)
- 10 Podosokorskii, N.N. "Istoriia v zhizni i tvorchestve F.M. Dostoevskogo" ["History in the Life and Works of F.M. Dostoevsky"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125> (In Russ.)
- 11 Podosokorskii, N.N. "Foma Opiskin kak istoricheskii romanist, i ego istoricheskii roman o Novgorode v povesti F.M. Dostoevskogo 'Selo Stepanchikovo i ego obitateli'" ["Foma Opiskin as a Historical Novelist, and His Historical Novel about Novgorod in F.M. Dostoevsky's Novella *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (31), 2025, pp. 76–129. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-3-76-129> (In Russ.)
- 12 Potemkin, F.V., and A.I. Molok, editors. *Revolutsii 1848–1849 [Revolutions of 1848–1849]*, in 2 vols. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1952. (In Russ.)
- 13 Saraskina, L.I. "Vremia v 'Besakh' F.M. Dostoevskogo" ["Time in F.M. Dostoevsky's *Demons*"]. *Kontekst — 1988. Literaturno-teoreticheskie issledovaniia*, ed. by N.K. Gei. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 64–102. (In Russ.)
- 14 Saraskina, L.I. "Geroi-chitateli v romane 'Besy.' Grustnoe torzhestvo 'Apokalipsisa'" ["Character-Readers in Dostoevsky's Novel *The Possessed*. The Sad Triumph of the Apocalypse"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 172–201. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-172-201> (In Russ.)
- 14 Filippova, O.N. "T.N. Granovskii — istorik i poet (1813–1855 gg.)" ["T.N. Granovsky — Historian and Poet (1813–1855)"]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: Materialy XXXIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Modern Problems of Humanities and Natural Sciences: Materials of the 33rd International Scientific and Practical Conference]*, in 2 parts, part 2. Moscow, Nauchno-informatsionnyi izdatel'skii tsentr "Institut strategicheskikh issledovaniï" Publ., 2017, pp. 182–187. (In Russ.)